

Girlfriends

Vera P. Zhelikhovskaya

Подруги

Вера П. Желиховская

Girlfriends

Copyright © 2018 by Indo-European Publishing
All rights reserved.

ISBN: 978-1-60444-891-7

Подруги

© Индоевропейских Издание , 2018

ISBN: 978-1-60444-891-7

ПОДРУГИ

повесть для юношества

Глава I

У себя

Большие парадные покои в доме генерала Молохова с утра приводились в порядок; свечи вправлялись в люстру, бра и канделябры всех величин; в корзинах у окон гостиных, на консолях и в углах большой залы расставлялись цветы, букеты и группы высоких растений. Было семнадцатое сентября, день именин хозяйки дома и падчерицы её Надежды. Софья Никандровна Молохова ждала вечером множество гостей; она давала бал не столько по случаю своего ангела, сколько потому, что Наденьке в тот же день минуло шестнадцать лет, и она непременно желала отпраздновать её совершеннолетие с особым торжеством. Так она рассказывала своим знакомым, таинственно добавляя на ухо некоторым:

– Вы понимаете, что я не так бы старалась для родной своей дочери, но Наденька такая нелюдимка, такая бука, что меня, пожалуй, обвинят в том, что я её не приучаю к обществу... Ведь, знаете, мачехи всегда виноваты во мнении сердобольных тетюшек и бабушек!.. Меня, я знаю, родство покойной госпожи Молоховой и без того недолюбливает и винит в том, что Надежда Николаевна воспитывалась не дома, а виновата ли я, что с ней ни одна гувернантка не уживалась?.. Вот и теперь: кончила прекрасно курс, с золотой медалью, чего же лучше?.. На что ей восьмой класс?.. Что она, по урокам, что ли, будет бегать? Из-за куска хлеба биться?.. Баловство одно! Рисовка одна только!.. А меня, поди, тоже винить станут, что я не вывожу взрослую девушку... А я что же поделаю, когда она не только о выездах, даже о приличных туалетах слышать не хочет? Заладила свою форму и в будни, и в праздники, и ничем её не переупрямишь!... Характерец, я вам скажу! Не дай Бог!.. Что я с ней горя терплю – одна я знаю.

Так жаловалась Софья Никандровна своим близким, и все её друзья

качали головами и сожалели о её неприятном положении и о тяжелом нраве её падчерицы.

В тот самый вечер, когда у Молоховых шли деятельные приготовления к вечернему приему, – приготовления, в которых родная дочь Софьи Никандровны, Полина, принимала самое горячее участие, Надежда Николаевна, по-видимому, не обращала ни малейшего внимания на общую суету. С трудом удалось ее вытянуть утром в гостиную для приема гостей, которые не переставали подниматься по устланной коврами лестнице в роскошно убранную маленькую приемную госпожи Молоховой (большие были заперты ради особо эффектного убранства их к вечеру); с трудом высидела она обед *en famille*¹, который все же, благодаря наружному этикету, введенному хозяйкой дома, был довольно церемонный, и тотчас же удалилась в свою уютную комнатку, куда поджидала двух гостей, – единственных ей дорогих и желанных: свою кузину Веру Алексеевну Ельникову и Машу Савину, любимую подругу свою по гимназии. Вера Алексеевна была гораздо старше Нади, служила учительницей в той самой гимназии, где кончила курс, но они были очень дружны, хотя Ельникова не любила семьи своего дяди и не бывала почти никогда у госпожи Молоховой. Савина тоже никогда не бывала гостьей в доме генеральши. Эта смуглая, миниатюрная, вечно занятая девушка была всего лишь на несколько месяцев старше своей подруги, но казалась гораздо старше её, потому что ранние лишения и заботы уже провели преждевременную морщинку между её черными бровями и на вид сделали ее неприветливой и слишком серьезной. Она дичилась и сторонилась от всех, кроме близких ей людей, которых было очень мало. Генеральша невзлюбила ее с первого взгляда и очень тяготилась её посещениями. Савина, впрочем, и сама их боялась и, несмотря на настойчивые просьбы Нади, предпочитала видаться с ней в гимназии, в своей крошечной комнатке в квартире матери, а более всего у Веры Алексеевны, где они втроем проводили самые веселые часы. Однако, в этот день они провели отлично время в комнате Надежды Николаевны, которую та тщательно оградил от вторжения своих меньших сестер и братьев. Она угощала своих гостей шоколадом, фруктами и конфетами и совсем было позабыла о неприятных вечерних обязанностях, если б о них ей не напомнила сестра её Полина, постучавшись в запертую дверь и закричав весьма пронзительным голосом, что пора одеваться, что татап причисывает уже парикмахер, что сейчас и их, Полину и Риадочку, позовут завиваться и что татап велела спросить у неё, не хочет ли и она, чтоб ее причесал парикмахер.

¹ в семье.

– Нет, спасибо, – смеясь, отвечала через двери Надя. – Я сама оденусь и причешусь; мне никого не надо!

– Ну, как хочешь! – отвечала Полина. – Только мама приказала, чтобы ты, как будешь готова, пришла ей показаться. Слышишь?.. Непременно!..

– Слушаю-с. Непременно!.. – насмешливо-недовольным голосом отозвалась старшая сестра. – А теперь иди себе с Богом, тебе пора завивать свои локоны.

Она посмотрела на золотые прелестные часы, подаренные ей в этот день отцом. Всего только восьмого половина: "До десяти я успею пятьдесят раз одеться", – подумала она.

За дверьми раздался смех и восклицание, судя по тону, весьма не лестное для Надежды Николаевны, и Полина удалилась быстрой походкой, свойственной её живой и юркой натуре.

– Зачем ты так недружелюбно обращаешься с сестрой? – заметила Ельникова Наде. – Ведь она только передала слова матери, а Софья Никандровна о тебе же заботится...

– Ах, Верочка, оставь! Ты не знаешь... Ведь это все лицемерно, чтоб пред вами порисоваться и в то же время выведать, что мы здесь делаем?.. Не даром же я на ключ двери заперла. Я знала, что без этого не обойдется!..

– А мне, право, кажется, что ты преувеличиваешь. Тебе самой жилось бы лучше, если б ты не портила так отношений к мачехе и её детям.

– Ну, про то мне знать! – со сдержанным вздохом возразила Надя. Но в ту же минуту, спохватившись, что резко ответила Вере Алексеевне, обняла ее одной рукой, крепко поцеловала в щеку и продолжала: – Душечка, я, право, не злая и рада была бы, чтоб все иначе было... Но ничто меня не возмущает так, как ложь, а в Софье Никандровне – все лживо, все напускное и деланное! Я бы никогда не могла с ней сойтись лично, но может быть еще ладила бы как-нибудь, если б не эти несчастные дети! Как их ведут? Среди чего они растут?.. Это заставляет меня ненавидеть эту женщину!

– Очень скверное чувство! – серьезно сказала Ельникова. – Этим дела не поправишь, и тебе такое отношение к семье не приносит чести. Лучше бы старалась противопоставить свое доброе влияние...

– Ах, полно, пожалуйста! – сердито прервала молодая девушка. – Легко говорить вчуже... Будто бы я не люблю этих детей и не перепробовала все, что в моей власти?..

– Не власть нужна, а любовь, – настойчиво перебила Вера. – Власти у тебя, – ты не можешь жаловаться! – в отцовском доме довольно. Потому-то я и простить тебе не могу твоих отношений к сестрам. Если б ты их умела привязать к себе, так могла бы очень быть им полезна.

– Очень! Нечего сказать... Пробовала я... Про брата и Аполлинарию Николаевну и говорить нечего: они с рождения сами себе и всему дому господа; я от них никогда доброго слова не слыхивала. Да и с Ариадной Николаевной, как ни старалась дружить, ничего не выходит! Риада вся под влиянием этой лицемерки m-lle Наке. Клавдя, хоть и нелюбимая, а тоже бедовая, своевольная, капризная девчонка... Все три так избалованы, что к ним и подступиться страшно... Только бедная маленькая Фимочка любит меня, потому что больная; все ею тяготятся, так она, бедняжка, и льнет ко мне... Да и то, вероятно, скоро влияние старших сестриц и братца на ней скажется. Ариадна и Клава прежде тоже были гораздо лучше, добрее, послушней, а как только подходят к десяти годам – и начинают выказывать фамильные черты маменьки.

– Перестань, Надя! Право, мне это неприятно... Я особой дружбы к твоей маме не имею, – ты это знаешь; но нахожу, что с твоей стороны бестактно, даже недобросовестно постоянно ее бранить...

– А ты хотела бы, чтоб я лучше воспевала ей гимны? Уж извини: лгать не умею!..

– Я и не хочу, чтобы ты лгала, но... На все мера и манера. Гимнов незачем воспевать, но без нужды не нужно и осуждать её недостатков. Можно просто помолчать... Хотя из любви к отцу.

– Из любви к нему я во многом себя ломаю и даже часто сама грешу против своей совести, но с вами-то уж двумя, кажется, мне незачем притворяться... Полно тебе читать нравоучения, Вера; мы тут с тобой не ученица с наставницей, а сестры!

И она еще раз поцеловала кузину, схватив ее за талию и, насильно повернув ее кругом себя, смеясь, повалила на диванчик, воскликнув:

– Извольте смирно сидеть, назидательная азбука!

Ельникова смеялась, качая головой. Улыбалась, глядя исподлобья на эту сцену, и другая гостья, Маша Савина, во все время последнего разговора не проронившая ни слова из уважения к Вере Алексеевне столько же, сколько из любви к своей подруге, на стороне которой она была всегда и во всем.

Надежда Николаевна, усадив таким образом свою родственницу, схватила с окна глиняный цветочный горшок с прекрасно распустившимся кустом ландышей, прижала его к груди и, вдыхая его аромат, воскликнула:

– Ах, прелестный мой цветок!... Ничего так не люблю, как ландыши!.. Все сегодняшние подарки никуда не годятся в сравнении с вашими двумя.

– Ну, где же сравнивать цветок, от которого через неделю следа не останется, с прекрасными вещами, какие ты получила от своих родных!.. Книга Веры Алексеевны – другое дело.